

СКЕЛЕТ

Стояла осень, задумчивая и прозрачная. Я смотрел в окно класса и на душе было светло и чуточку грустно. Светло оттого, что впереди такая долгая и интересная жизнь, а грустно потому, что кончилось горячее лето, и начался бесконечный, как галактика, учебный год.

За окном на верхушке высокого клена трепетали красивые багряные листья. Они отрывались и, кружась, планировали на землю в старый запущенный школьный сад.

От созерцания природы и неспешных размышлений меня отвлекло появление завуча. Его приход никогда не сулил мне ничего хорошего. Но сегодня я вроде еще ничего такого не совершил. Вместе с завучем в класс вошла стройная девочка с красивыми миндалевидными глазами. Учительница посадила новенькую за парту вместе с Нинкой Хрущовой и удалилась.

Наша географичка Фига (прозвище ей досталось, разумеется, из-за ее любви к плодам фигового дерева) до прихода завуча и новенькой распекала за лень Андрюху Тимохина. Она внимательно посмотрела на новенькую, и всем стало ясно, что сейчас последует душераздирающий рассказ про желтые ботинки. Этой историей, которую мы неоднократно и терпеливо выслушивали, географичка доводила сама себя чуть ли не до слез. Но каждый раз она повторяла рассказ с возрастающим накалом. В кульминационный момент Фига выдерживала многозначительную паузу, снимала очки и торжественно протирала стекла большим носовым платком. Рассказ ее был прост и незатейлив. Его суть, без подробностей, состояла в том, что когда нашей географичке исполнилось двенадцать лет, то отец подарил ей желтые кожаные ботинки. Эти ботинки она, не снимая, носила до восемнадцати лет и передала своей младшей сестре, так как они стали ей малы. Соль рассказа заключалась в том, что благодаря этим удивительно прочным желтым ботинкам наша географичка смогла ходить в школу в соседнюю деревню. Естественно, что училась она только на «отлично», и от этого нам, закоренелым лентяям и бездельникам, должно было стать бесконечно стыдно. Все ученики с уважением относились к этому рассказу, и только один раз Андрюха Тимохин не сдержался, когда географичка распекала его за лень, и огрызнулся:

«А у меня не было желтых ботинок!»

Что тогда было! Географичка заплакала, а Андрюху исключили на месяц из пионеров и чуть не выгнали из школы.

С первого взгляда новенькую нельзя было назвать красавицей, но какое-то неуловимое обаяние притягивало к ней внимание почти всего класса. Мальчишки на уроках зыркали в ее сторону, а на переменах около новенькой завязывались показательные стычки. Драчуны упирались друг в друга плечом, и один вызывающе заявлял:

«А ну, дай!»

Второй, не менее решительно, отвечал:

«А вот и дам!»

Такой диалог сопровождался обоюдным угрожающим сопением для демонстрации мужества и непримиримости соперников и редко кончался дракой. Каждому мальчишке казалось, что если новенькая заметит какой он нахальный и сильный, то сразу же в него влюбится и напишет ему традиционную школьную записку: «Давай с тобой дружить», что в те времена было равносильно признанию в любви до гробовой доски.

Наши девчонки тоже наперебой предлагали новенькой свою дружбу. Больше всех старалась Нинка Хруцова. Она горячо шептала на ухо новенькой про своих подруг: «Эти Катька с Любкой такие вредины...»

Однако ни выкрутасы мальчишек, ни откровения девчонок не произвели на новенькую должного впечатления, и до дружбы с кем-нибудь дело так и не дошло.

Училась новенькая хорошо, а на переменах обычно читала книгу, скромно пристроившись у окна, напротив дверей нашего класса. Однажды, пробегая мимо, я случайно увидел на корешке имя автора и обалдел. Она читала какого-то Эмиля Золя, о котором я знал совершенно случайно, наткнувшись на собрание сочинений в районной библиотеке. Большинство ребят, скорее всего, такую фамилию никогда и не слышали.

Поскольку мне в тот момент никто из наших девчонок по-настоящему не нравился, я тоже стал украдкой поглядывать на новенькую. Однако со временем интерес к новенькой у всех как-то поубавился. Но однажды на уроке литературы она потрясла всех ребят нашего класса.

Шла проверка домашнего задания. Надо было прочитать наизусть стихотворение Пушкина на выбор. Ребята старательно прятались за спины впереди сидящих учеников. В гробовой тишине литераторша, как орел с горной вершины, грозно смотрела на класс, выбирая очередную жертву. Все знали, что самое гиблое дело в этот момент смотреть ей в глаза. Если же это случалось, она пронзительным взглядом гипнотизировала оплошавшего ротозея, который сам, без всякого приказа, вставал и, как лунатик, плелся к доске. Если невозможно было спрятаться за спины впереди сидящих учеников, то следовало прикинуться верблюдом и, не мигая, смотреть перед собой на доску или в парту. Некоторые считали, что при этом полезно шевелить губами, как бы повторяя про себя выученное стихотворение. Со стороны все это выглядело очень благопристойно и называлось «работа класса». Новенькая в наших играх еще не разобралась и, не пытаясь прикинуться зубрилой, смотрела в окно на желтый лист клена, чудом уцелевший при таком ветре на самой верхушке дерева. По неписаным законам нашей школы смотреть в окно категорически запрещалось. Это приравнивалось к хулиганству. И тут учительница заметила новенькую.

– Смирнова! Ты о чем мечтаешь? – резко произнесла литераторша. – К доске! – Эту фразу она всегда произносила с особым вкусом. Возможно, именно с такой интонацией секундант приглашал дуэлянтов: «К барьеру!»

Новенькая вышла к доске и повернулась лицом к классу. Хрупкая словно веточка, она стояла, опустив тонкие прямые руки, и смотрела в окно. Это был уже вызов! Как мы писали тогда в школьных сочинениях: «Раздалась звенящая тишина». Класс замер.

Мне показалось, что новенькая не знает стиха и сейчас получит два балла. У Нинель ни в коем случае нельзя было так долго молчать. Говорить надо было сразу: громко, уверенно и лучше всего, когда еще идешь к доске; можно было запинаться, сбиваться, начинать сначала, всем своим видом показывая, что ты «учил, но... от волнения все позабыл». А если уж совсем ничего не знаешь, то молчать надо было с достоинством, скорбно опустив голову, так чтобы всем было ясно, что в твоей семье произошло какое-то ужасное несчастье, которое не позволило тебе выучить такой важный урок. Часто пользоваться этим приемом, к сожалению, было нельзя, но, на худой конец, можно было встать и с места осипшим голосом пожаловаться на болезнь горла. Да мало ли что можно было придумать, но только ни в коем случае не молчать! Стоять в такой вызывающе независимой позе, будто

знаешь все на свете, было, может и красиво, но совершенно безрассудно и опасно. Понятно, что когда терять нечего и двойку уже поставили в дневник, можно и покрасоваться, изображая из себя «без вины виноватого», но сразу так поступать никогда не следовало.

Я с надеждой посмотрел на Андрюху Тимохина – известного во всей школе чревовещателя, непревзойденного специалиста по подсказке, который мог, не раскрывая рта, со снайперской точностью направлять информацию прямо в ухо реципиента.

Андрюха набрал в легкие воздух, чтобы явить миру свое искусство. Раздраженная затянувшимся молчанием Нинель недовольно процедила сквозь сжатые зубы:

– Ну!? Долго в молчанку играть будем?

И тут новенькая стала читать «На холмах Грузии». Мне вдруг показалось, что это не стихи Пушкина, а просто она рассказывает нам, вернее лично мне, о чем-то сокровенном, необыкновенно прекрасном. Я был бы, наверное, меньше потрясен, если бы она публично, перед Нинель и всем классом, призналась мне в любви до гроба! Как прозревший слепой, я словно впервые увидел мир: светлый, чистый, прекрасный.

«Мне грустно и легко; печаль моя светла;

Печаль моя полна тобою».

От знакомых строчек мороз пробежал по коже. И это был всего лишь Пушкин, которого я читал сто раз и, как мне раньше казалось, вполне понимал. Я даже сам хотел выучить это стихотворение, понравившееся мне своей краткостью, но... не успел.

На предыдущем уроке литературы стихотворение Пушкина лучше всех читала Надя Макарова. Она занималась в студии художественного слова и у нее был чистый и звонкий голос настоящего пионера. На районных торжествах и пионерских слетах Надя всегда выступала от имени всех школьников и подносила членам президиума цветы. Обычно Надя начинала читать заданный стих так, что и ежу было ясно, что она знает его до конца. Нинель прерывала ее и смотрела на мальчишек как на стадо упрямых и ленивых баранов, способных только блеять и уж никак не читать вслух, наизусть, волшебные строфы.

Новенькая говорила каким-то удивительно доверительным голосом. Казалось, это она сама написала стихи и сейчас мне, как лучшему другу, их рассказывает.

Наташа закончила читать, но у меня в душе бушевали слова:

«...печаль моя светла;

Печаль моя полна тобою».

Класс молчал. Нинель была удивлена не меньше всего класса. Наконец, она тихо произнесла: «Молодец! Наташа».

Не помню, как кончился урок, но только на математике я стал замечать, что новенькая произвела впечатление не только на меня одного. Почти все ребята сидели с физиономиями, на которых и тюлень смог бы прочесть их чувства, и исподлобья поглядывали в ее сторону. После уроков Лёнька Сундуков, по прозвищу Сундук, подошел ко мне в раздевалке и сдавленным замогильным голосом объявил:

– Смотри! Если сделаешь что-нибудь новенькой, то будешь иметь дело со мной!

Я чуть не упал от страха, но сдержался и не захохотал! Сундука я побеждал в стычках много раз. Но тут случай был особый. Леньку просто распирало от любви и желания совершить хоть какой-нибудь благородный поступок. Я тоже

был переполнен благородными чувствами и поэтому простил Сундуку его выходку и даже мужественно похлопал его по плечу.

Новенькая на другой день вела себя как ни в чем не бывало и даже вроде, не заметила того эффекта, который произвела своим чтением. Во всяком случае, на меня она по-прежнему не обращала никакого внимания. И я твердо решил во что бы то ни стало завоевать ее любовь или, на худой конец, внимание и уважение.

Для начала я собрался потрясти ее и весь класс чтением какого-нибудь стихотворения, но как ни старался перед зеркалом, читая по книге стихи Пушкина и Лермонтова, подражая заунывным голосам современных поэтов, было совершенно очевидно, что ничего, кроме смеха, я вызвать не смогу. Оказалось, что хорошо читать стихи куда сложнее, чем учить их наизусть.

Я понял, что путь к любви и признанию для меня не будет усеян чайными розами, и решительно оставил в покое эту затею. Спустившись со стихотворного Парнаса в реальный грешный мир, я с горестью обнаружил, что вижу в зеркале обыкновенного бесталанного троечника и хулигана, который, по единодушному мнению учителей, обладает незаурядными способностями только в одном: «отмочить номер». Выбирать было не из чего и пришлось обратиться к тому, что я знаю и умею. Но тут я сразу решил, что действие, которое должен буду совершить во имя любви, должно кардинально отличаться от всего того, что было раньше. Всем, а в особенности ей, должно было стать ясно, что если я и отпетый хулиган (в силу, так сказать, социального несовершенства человеческого общества), но хулиган благородный с чистой и возвышенной душой.

Пока я соображал, чтобы мне отмочить такое благородное, произошло событие, решившее выбор моего пути. Во время одного из уроков в кабинете зоологии наша биологичка обнаружила в ящике учительского стола мертвую мышь. Заподозрив в этом естественном и печальном событии чей-то злой умысел, она вызвала завуча, которая уже не сомневалась в том, что мышь кто-то специально подложил в стол, чтобы сорвать урок. По ее лицу можно было легко догадаться, что она опять подозревает меня. Разбирательство длилось четверть часа и не принесло никаких результатов. Тогда завуч, выразительно поглядывая в мою сторону, решительно объявила:

– Если тот, кто это сделал, сейчас не встанет, то придется написать замечание в дневники всему классу.

Такое наказание меня нисколько не испугало. Подумаешь, иметь в дневнике одним замечанием больше, когда их и так уже некуда было писать, разве что авансом на будущую неделю. Тем более что замечание будет иметь весь класс. Это было также легко и скучно, как получить пятерку по труду у нашего столяра – добрейшего Ивана Ивановича.

Когда я случайно взглянул на новенькую, то заметил, что она явно расстроена и истолковал это как боязнь ни за что получить замечание и испортить себе дневник. Я не понимал отличников, которые дрожали над своими чистыми дневниками, рассчитывая, вероятно, хранить их всю жизнь и в старости хвастаться перед гостями однообразными страницами, заполненными монотонными пятерками. То ли дело мой дневник! Скромные тройки и редкие четверки терялись среди жирных двоек и красных размашистых единиц. Разноцветные замечания окаймляли каждую страницу по периметру. Иногда я одалживал дневник своим приятелям, когда они хотели напугать родителей, а перед днем смеха – первого апреля за моим дневником выстраивалась настоящая очередь. В конце учебного года

дневник забирала к себе директриса и запирала его в сейф. Перед этим событием я обычно писал на обложке крупными буквами: «Хранить вечно!»

При виде расстроенного лица новенькой меня осенило! Я совершаю какой-нибудь достаточно смешной, но не очень тяжкий проступок, такой, чтобы из школы не выгнали. При разбирательстве дожидаясь угрозы завуча вкатить всем замечания в дневники, встаю, выдерживаю короткую мужественную паузу и спокойно с достоинством заявляю: «Не надо писать всем замечания! – далее следует вторая пауза, до наступления в классе полной тишины. – Это сделал... я!».

Не откладывая в долгий ящик, я решил начать сразу с конца и тщательно отрепетировал перед зеркалом финальную фразу. На мой взгляд, это был самый важный момент, так как фраза должна быть произнесена с несомненным достоинством и великодушием, но без снисходительности, чтобы не вызвать раздражения и не побудить администрацию школы к крутым мерам педагогического воздействия. Оставалась ерунда: придумать и осуществить какую-нибудь хохму. Собственно, вариантов было множество, однако следовало выбрать один наиболее эффективный. Местом действия был избран кабинет зоологии, а «объектом» акции – гипсовый муляж человеческого скелета, который стоял в углу этого кабинета и был предметом внимания и обожания нашей биологички.

Впрочем, по мелочам я уже использовал этот скелет и раньше. Однажды я отцепил у скелета гипсовый муляж правой руки и вставил ее в пустой рукав форменной гимнастерки, предварительно вытащив оттуда свою правую руку. Положив кисть скелета поверх левой руки на парту, я с ангельским терпением и вниманием уставился на биологичку, ожидая, когда она обратит на меня свое внимание. Мой смиренный монашеский вид, сдавленное хихиканье в классе и оборачивающиеся ко мне ученики быстро насторожили биологичку, но, мельком взглянув на меня, а потом на скелет, она ничего такого подозрительного не заметила. Однако уже через минуту она тщательно осмотрела скелет и быстро перевела взгляд на мои руки, сложенные строго по правилам разработанным, наверное, в самой Академии педагогических наук. Я всегда поражался этим правилам. На многочисленных плакатах, развешенных на стенах младших классов, были изображены чистенькие и прилежные школьники. Они сидели за партами с аккуратно сложенными руками и так прямо, будто каждый проглотил метровую школьную линейку. На мой взгляд, отсидеть в такой позе без движения сорок пять минут мог только манекен, да и то не больше одного урока.

Не стану описывать последующие за этим событием не очень приятные и, в общем, банальные педагогические процедуры, а сразу перейду к сути задуманного мною плана. Объектом акции должен был вновь стать этот скелет, а точнее его правая рука. Сам поступок, по моему замыслу, должен был выглядеть в глазах новенькой и всего класса невинным, как поцелуй младенца.

Итак, о скелете. Он стоял в очень удобной позе в углу кабинета у окна, а я сидел в левом ряду тоже у окна на последней парте. Таким благоприятным взаимным расположением «объекта» и «субъекта» я и решил воспользоваться.

Во время моего дежурства в кабинете зоологии я протянул тонкую рыболовную леску от кисти правой руки скелета вверх к оконному карнизу, провел ее поверху над карнизами до своей парты, конец спустил вниз и привязал к батарее под подоконником.

На другой день я пришел в класс до начала урока и провел конец лески к себе под парту, где и закрепил его, намотав на специально приготовленный гвоздик.

Урок начался как обычно. Биологичка сразу приступила к проверке домашнего задания. Она раскрыла журнал и, оглядев класс поверх очков, спросила:

– Может, кто-нибудь сам хочет рассказать о размножении земноводных?

В этот момент я сделал движение ногами, на одной из которых была надета петля от лески. Скелет с достоинством вскинул правую руку, желая рассказать о способах размножения земноводных.

Класс сначала замер, потом все захохотали. Биологичка, ничего не понимая, ещё раз переспросила:

– Ну, кто хочет?

Ребята дружно указывали пальцами на скелет, который с нетерпением тряс кистью поднятой правой руки. Биологичка обернулась и даже вскрикнула от неожиданности.

В этот момент я сильнее натянул леску, и она порвалась в нужном месте, там, где был специально вставлен тонкий поводок. Рука скелета упала, и обрывок лески соскользнул с карниза.

Биологичка подскочила к скелету и молча осмотрела его правую руку. Затем нашла глазами мою правую руку. Я даже почесал правой рукой лоб, чтобы биологичке было лучше ее видно. Не заметив тонкую леску и не сообразив, в чем тут фокус, и от этого разозлившись, биологичка сразу же классифицировала этот курьез как «срыв урока» и отправилась в канцелярию за директором.

Я никогда не понимал желание учителей делать из мухи слона. Подумаешь, скелет поднял руку, ну посмеялись, и все дела, так нет, из этого необходимо сразу сделать трагедию с оргвыводами и непременно наказанием виновных или невиновных на страх остальным.

После ухода биологички класс загалдел. Ребята стали выбегать к доске осматривать руку скелета. Я украдкой взглянул на новенькую, но произведенный эффект был значительно ниже ожидаемого. Она не смеялась захлеб, как некоторые девчонки, а с мягкой улыбкой слушала толстушку Нинку Хрущову, которая ей что-то рассказывала, и вдруг неожиданно указала пальцем в мою сторону. Я едва успел отвести глаза.

Тут вошли директриса, завуч и биологичка. Ребята от скелета рванули по местам. Директриса внимательно осмотрела скелет и обнаружила обрезок лески, привязанный к его правой кисти.

– Кто это сделал? – грозно спросила директриса, поднимая кверху руку скелета и демонстрируя обрезок лески. Рука об руку со скелетом она смотрелась не хуже статуи «рабочий и колхозница» у фонтана ВДНХ. Железным усилием воли я подавил смех и опустил глаза, чтобы не видеть этой сцены и не сорвать намеченный план. Биологичка пристально смотрела на мою правую руку. Ее педагогическая интуиция подсказывала, что между моей рукой и рукой скелета должна быть какая-то связь. Тут надо отдать должное ее проницательности и опыту – да, связь действительно была!

Мгновенное разоблачение никак не входило в мои планы, и я посмотрел на биологичку так, как будто вижу ее и скелет впервые в жизни.

Прошло несколько минут разбирательства. Наконец, директриса сообразила, что при помощи такой короткой лески – около метра длиной – руку у скелета могла бы поднять либо сама биологичка, либо человек-невидимка (О небо! Как я мечтал стать человеком-невидимкой хотя бы на пару часов. Подумать только, сколько благородного и смешного я смог бы тогда совершить).

Биологичка, осмотрев леску, поняла, что она должна быть явно длиннее (чтобы достать до меня). Еще пять минут ушло на то, чтобы «расколоть» Кольку Степанова – заядлого рыболова, который пожадничал и отрезал себе кусок лески, когда крутился у доски после ухода биологички.

Но когда связали конфискованную у Кольки леску с первым куском, то общей длинны едва хватило до второй парты, где сидели отличницы, и уж никак не до моей последней. Еще десять минут пытали Кольку, требуя от него недостающую (до меня) часть лески, но обыск его портфеля и парты ничего не дал.

Расследование, так красиво начавшееся и сулившее неременный успех, зашло в тупик. Директриса как бы невзначай сердито посмотрела в мою сторону.

Чтобы слишком не драматизировать события, я слегка потупил глаза. Директриса это заметила, воодушевилась, предчувствуя близкую развязку, но виду не подала, и решила нажать на меня с другой стороны. Она объявила, что тот подлец, который привязал леску к руке скелета, в прошлый раз подложил в столдохлую мышшь. И если он не сознается сам, а класс, конечно же, знает, кто это и не хочет его выдавать, поощряя, тем самым, хулиганство, то всем в дневники будет написано замечание, и в четверти всем выставят четверку за поведение. Угроза эта была не шуточная, так как в те времена ниже четверки за поведение была колония для несовершеннолетних.

Такого оборота событий я никак не ожидал. Два случая подряд это уже рецидив и из школы выгонят наверняка. Болтайся потом под осенним дождем по улицам. Ужасно не хотелось брать на себя эту мышшь, которая, возможно, сама и умерла. Не бессмертные же мышши в конце концов? Наверное, умирают. Ну, эта и умерла прямо в ящике стола, не повезло! Но тянуть было уже нельзя, пришло время сознаваться. Мышь, конечно, пришьют, не отвертисься.

Я тайком взглянул на новенькую и увидел, что она искренне огорчена. Это удесятило мои силы. Я сделал короткий мужественный вдох, но... сказать ничего не успел. Неожиданно, к доске вышел Сундук и очень даже неплохо произнес:

– Не надо писать всем замечания... это сделал... я!

Потом он опустил голову и, жалея себя, заревел как корова. Директриса, однако, быстро сообразила, что парта Сундука находилась в другом конце класса, и протянуть туда леску по диагонали было просто невозможно.

Она ласково погладила Сундука по жесткому ежику блестящих черных волос и торжественно изрекла:

– Не плачь, Сундуков! Мы знаем, что не ты это сделал. Ты просто хотел выручить весь класс, но забыл, что тем самым защищаешь не товарищей, а того подлеца (директриса как бы случайно погрозила пальцем в мою сторону), который хотел еще раз сорвать урок!

Выходка Сундука меня очень разозлила. Я все так тонко придумал и осуществил, а он воспользовался моей хохмой, причем даже без всяких для себя последствий. Ловко! Признался как бы понарошку и, пожалуйста, герой!

Сундук от директорской ласки, уважения к собственному поступку и сознания, что ему теперь ни фигу не сделают, заревелся еще сильнее.

Что ж, финал он испортил и отхватил, по крайней мере, часть причитающегося мне уважения новенькой. Но еще не все было потеряно. Достаточно только изменить финальную реплику: «Нет, это не он, это

сделал я!», и получалось даже, что я вроде как бы защищаю Сундука от незаслуженного наказания.

Я снова сосредоточился, но тут к доске вышел дружок и сосед Сундука по парте – Колька Федоров и трагическим голосом слово в слово произнес заготовленную мной фразу:

– Это не он, это сделал я! – и тоже заплакал.

От досады у меня запершило в горле.

– Нет! – директриса удостоила начальственной ласки стриженный Колькин затылок. – Не ты это сделал! – и выразительно посмотрела на меня, как бы приглашая: «Ну!? Теперь ты... выходи!»

Как же! Выйти и сказать те же слова, значило вызвать смех в классе. Одно дело, когда смеются над твоим остроумием, пусть даже и хулиганским, а другое – над глупой ситуацией, в которую ты попал. Я лихорадочно соображал, как выкрутиться: признаваться глупо, но и замечание в дневники всему классу никак меня не устраивало.

Я резко поднял руку и после снисходительного кивка директрисы, которая была уверена, что я сейчас признаюсь, порывисто встал.

– Я знаю, кто это сделал! – произнес я в неодобрительной тишине.

По моему тону, все сразу поняли, что я встал не для признания, а с целью кого-то заложить. Класс был потрясен. Много было у мальчишек и девочек разных недостатков, но такого не было ни у кого. И тут, я, сам, которого столько раз покрывал класс, решил кого-то выдать? Невероятно! Я почувствовал, как сразу возникло отчуждение ко мне.

– Да, я знаю, кто это сделал! – твердо повторил я. – Это сделал..., – наступила такая тишина, что стало слышно, как по коридору летит муха, – это сделал... самый настоящий хулиган!

Класс облегченно зашумел. Директриса сердито взглянула на меня и с видимым неудовольствием похвалила:

– Молодец, Белов.

Без разрешения бодро вскочила Нинка Хрущева и затрещала как сорока:

– Правильно! Мы всем классом решительно осуждаем хулиганскую выходку, которая...– дальше Нинка выдавала слова со скоростью пулемета, и если бы директриса ее не остановила, она говорила бы до конца урока.

Таким образом, весь класс с моей подачи вроде как осудил хулиганский поступок, и писать всем замечание было уже не за что.

Директриса сердито зыркнула в мою сторону, и я прочитал в ее глазах: «Погоди, хулиган! Плачет по тебе колония!».

В ответ я соорудил такое невинное лицо, что даже впоследствии осудил себя за издевательство над педагогом. Конечно, не признаться в содеянном плохо, но я утешался тем, что все же публично осудил свой хулиганский поступок. А самое глубокое раскаяние, как известно, это когда человек осуждает сам себя!

Все мои старания прошли даром. Через неделю Наташа уехала в Германию, где служил офицером ее отец, и исчезла из моей жизни навсегда. Я узнал ее адрес, хотел написать письмо, но все откладывал, пока меня не посетила новая любовь.